

ТЕМА НОМЕРА

МИГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828

EDN: TPBYIX

Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия

Ссылка для цитирования: Рыжова С. В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX

For citation: Ryzhova S. V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX

Рыжова Светлана Валентиновна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Silica2@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 75912

Аннотация. В статье представлены результаты исследования динамики российской идентичности и уровня обобщённого (генерализованного) доверия в России и российских регионах. Эмпирической базой исследования выступают всероссийские опросы (2020 г. и 2018 г.) и опросы в республиках РФ – Кабардино-Балкарии, Саха (Якутии) и Татарстане (2019–2021 гг.); для сравнения привлекаются данные региональных исследований (2016–2018 гг.). Особое внимание уделяется Республике Кабардино-Балкария. Во всех опросах использовался одинаковый блок вопросов, направленный на выявление актуализации российской идентичности и уровня обобщённого доверия и недоверия. Российская идентичность исследуется с позиций теории психосоциальной идентичности Э. Эриксона и социальной идентичности Г. Тэжфела и Дж. Тернера; обобщённое доверие – с опорой на концепции П. Штомпки и Р. Инглхарта. К анализу эмпирических данных применяется концепция «поточковой консолидации» и «социальных конъюнкторов» О.А. Кармадонова. Дискутируются вопросы соотношения российской и этнической идентичностей в регионах, отмечается, что их баланс отражает успешность региональной и федеральной политики управления этнокультурным разнообразием. Данные социологических исследований позволяют предполагать, что широкое распространение в региональном социуме российской и этнической идентичностей и «равновесность» их актуализации говорят об оптимальном балансе этнокультурных и общероссийских государственно-гражданских трендов нациестроительства.

Российскую идентичность и культуру доверия можно рассматривать в качестве эффективных социальных конъюнкторов, активно вовлечённых в процессы формирования российской государственной, политической общности. Актуализированная российская идентичность

поддерживает вертикальный «поток консолидации», объединяющий полиэтническое пространство страны, а формирующаяся культура доверия (наиболее чутким показателем которой является уровень обобщённого (генерализованного) доверия) поддерживает горизонтальный поток консолидации. Эмпирические данные позволяют сделать вывод, что в современных условиях дефицита интеграционной политики государства культура доверия выступает в качестве «локомотива», продвигающего становление российской нации. Отмечается, что, хотя сила этого «локомотива» пока невелика, тем не менее, он оказывает позитивное влияние на формирование российской идентичности: во всех исследованных регионах актуализация российской идентичности выше среди тех, кто демонстрирует установки обобщённого доверия, полагая, что большинству людей можно доверять.

Ключевые слова: российская идентичность, этническая идентичность, доверие, консолидация, Республика Кабардино-Балкария, регионы России

Исследование общественных вызовов и рисков, сопряжённых с проблемами внутрироссийской консолидации, наиболее актуально в полиэтничных, поликонфессиональных регионах. Этническое и региональное разнообразие по-разному проявляется в субъектах Российской Федерации. В республиках, в отличие от иных российских регионов, этничность закреплена институционально, поэтому в процессах общенациональной интеграции особая роль принадлежит консолидирующим идентичностям, не отменяющим сложившиеся этнокультурные идентичности. Вызовом концепту полиэтнической российской нации может стать наличие в российских республиках «этнически мобилизованных групп» [10] и риски политизации этничности [1], что проблематизирует вопросы о механизмах формирования российской гражданской нации.

Среди факторов, способных противостоять дезинтегрирующим тенденциям, важная роль принадлежит общенациональной российской идентичности и культуре доверия. По мнению ряда отечественных исследователей (В.А. Тишков, Л.М. Дробизева, М.К. Горшков, И.С. Семененко и др.), российская идентичность, её актуальность и распространённость, наполненность позитивными смыслами выступают наиболее общим индикатором формирующейся в России национально-гражданской общности. Горизонтальные связи общественной солидарности поддерживаются формирующейся культурой доверия, проявлением которой служат «круги» межличностного, межгруппового, обобщённого доверия. Институционализация этничности в республиках создаёт риски вовлечения этнического фактора в процессы политической мобилизации, что обуславливает актуальность исследования российской идентичности и культуры доверия в республиках РФ.

Интегрирующая роль российской идентичности и культуры доверия хорошо описывается теоретической моделью «поточной консолидации» и «социальных конъюнкторов» [7], которая рассматривает механизмы воспроизводства общества в его целостности и перспективе исторической и культурной преемственности.

Российская идентичность в существенной мере конструируется потоком макросоциальной консолидации, идущим от власти к обществу. Инициатива воссоздания и конструирования российской идентичности принадлежит высшему руководству страны: понятия «российская нация», «россияне» вошли в публичный дискурс благодаря выступлениям высших лиц государства; Стратегией государственной национальной политики российская идентичность рассматривается в качестве важнейшего параметра общенациональной консолидации¹.

Культура доверия формируется на повседневном уровне потоком микросоциальной консолидации, который «совершает круговорот внутри сообщества и между сообществами» [7, с. 8], обеспечивая локальный и интегральный уровень обобщённого (генерализованного) доверия. Таким образом, российская идентичность и культура доверия обеспечивают соответственно вертикальный и горизонтальный «потоки консолидации» и могут рассматриваться как «социальные конъюнкторы», выполняющие роль механизмов, обеспечивающих национальное единство.

В данной статье представлены результаты исследования российской идентичности и обобщённого доверия по России в целом (2020 г.) и в российских республиках – Кабардино-Балкарии, Татарстане, Саха (Якутии), осуществлённые в 2019–2021 гг.

Особое внимание уделяется Республике Кабардино-Балкария. Северный Кавказ – особый регион, наиболее «этнически насыщенный», с высокой плотностью населения. Экспертами отмечается, что типичные социальные проблемы России наиболее выпукло и остро проявляются именно на Северном Кавказе, где низкий уровень социально-экономического развития вкупе с высокой полиэтничностью провоцирует проблемы межэтнической напряжённости, молодёжного этнического и религиозного радикализма, экстремизма, создавая риски социальной дезинтеграции.

В Кабардино-Балкарской Республике сложный этнический состав населения и высокая плотность межэтнических контактов. Кабардинцы (57%), русские (22,5%) и балкарцы (12,7%) представляют основные национальности, доля других национальностей не превышает 2%². Социокультурное пространство республики сложилось в условиях мусульманско-православного пограничья: кабардинцы и балкарцы соотносят себя с мусульманской традицией, русские – с православной. Эксперты отмечают проблемы «этнического представительства», дисбаланс в участии во власти основных этнических сообществ КБР, вопросы землепользования [4]. В целях борьбы с экстремизмом и терроризмом в республике действует программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике (2021–2025 гг.)».

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 10.03.2022).

² По данным переписи 2010 г. URL: <http://severnykavkaz.ru/naselenie-kabardino-balkarii/> (дата обращения: 14.03.2022).

В общественном пространстве республики актуален дискурс, связанный с исторической памятью основных этнических сообществ, с различающимися версиями исторических событий, связанных с Кавказской войной (1817–1864 гг.), депортацией балкарцев [17]. Этническое разнообразие и психология травмы, присутствующие в общественном дискурсе республики, вкупе с сохраняющимися проблемами экономического развития, высоким уровнем безработицы, трудностями, связанными с вопросами земельных отношений и рисками радикализации ислама, обуславливают актуальность исследования тенденций формирования и укрепления в Кабардино-Балкарии процессов общероссийской консолидации.

Теоретико-методологические основания исследования

Российская идентичность в Стратегии государственной национальной политики определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹. Данное определение маркирует синкретическую, почти эмпатическую причастность к территориальному, культурному, ментальному, государственному и гражданско-правовому «телу» России и в методологическом плане скорее соотносится с категорией «идентификация», отражающей процессуальный характер российской идентичности. Такому пониманию российской идентичности наиболее релевантны социально-психологическая теория идентичности Э. Эриксона [19] и теория социальной идентичности Г. Тэжфела и Дж. Тёрнера [20]. Российская идентичность формируется в процессе личностного отождествления с Россией; она постоянно обновляется, подразумевая историческую и культурную преемственность с советской, постсоветской и имперской Россией как страной, государством, территорией и культурой, внутреннюю солидарность с российским обществом. Как *социальная* идентичность (по Тэжфелу и Тёрнеру), российская идентичность формируется процессами социальной категоризации и дифференциации – ментальным (с активным участием эмоций и ценностей) созиданием, «воображением» (по Б. Андерсону) общности россиян и идентификации с ней.

Для определения уровня российской идентичности Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН традиционно используется вопрос о том, насколько «часто», «иногда» или «никогда» респондент испытывает *чувство общности, близости* с гражданами

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 10.03.2022).

России¹. Данный вопрос был предложен социологами группы В.А. Ядова ещё в 1990-х гг. для исследования новых социальных макроидентичностей, пришедших на смену идентичности «советского человека». Ответ «часто» позволяет оценить долю респондентов с актуализированной российской идентичностью, а сумма ответов «часто» и «иногда» – общий уровень последней.

Наравне с актуализацией *российской* идентичности мы оцениваем также уровень актуализации *этнической* идентичности, поскольку именно благодаря сильной этнической идентичности сохраняется этнокультурное разнообразие РФ и возникают риски политизации этничности. Взаимовлияние, совместимость и конкурентность этнической и российской идентичности всегда были в фокусе внимания Центра исследований межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН. Масштабные эмпирические исследования, проведённые в 1990-х гг., первом десятилетии 2000-х гг., позволили заключить, что именно *актуализация* идентичности («часто» или «в значительной степени» переживаемое чувство) общности с той или иной большой категориальной группой/макрообщностью отражает динамику самоотождествления, потребность в принадлежности к данному макросообществу и соответствующие мотивации [13]; именно актуализированная, субъективно значимая идентичность может подвергаться рискам политизации.

Культура доверия наиболее выразительно проявляется в уровне обобщённого (генерализованного) доверия, которое выражает доверие к людям в целом. Обобщённое доверие (доверие большинству людей) есть один из ключевых индикаторов социальной, гражданской солидарности. Оно служит основой сотрудничества и коопераций различного уровня и формируется постепенно как результат длительных доверительных отношений, складывающихся на повседневном уровне [18; 6].

В условиях полиэтнического социального пространства уровень обобщённого доверия отражает меру общественной безопасности, эффективность и качество социальных связей. Обобщённое доверие – достаточно устойчивая характеристика общественного сознания (и социального бессознательного), как элемент социальных отношений, оно трудно восстанавливалось в последние 30 лет и в известной мере наследует позитивный социальный опыт советского и постсоветского развития России.

Обобщённое доверие исследовалось нами с помощью простой 4 балльной шкалы доверия/недоверия². Традиционно в международных и отечественных исследованиях обобщённое доверие исследуется через противопоставление доверия к людям («большинству людей можно доверять») и «осторожности в отношениях с людьми», последняя трак-

¹ В некоторых регионах, например в Татарстане, вопрос звучал так: «В какой степени Вы ощущаете близость, единство...» с вариантами ответа «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости».

² Респондентам задавался вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» с вариантами ответа «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять».

туется как недоверие. Однако осторожность в отношениях с людьми не является, на наш взгляд, полным синонимом недоверия, и поэтому данный вопрос не позволяет зафиксировать уровень обобщённого недоверия. Расхождения в трактовке феномена обобщённого доверия в теоретических и эмпирических исследованиях отмечается многими исследователями [см., напр., 12].

Для россиян, переживших серьёзные социально-экономические и политические преобразования, вполне возможно формирование осторожного доверия. Нами применялась простая 4-балльная шкала: уровень обобщённого *доверия* складывается из суммы ответов «большинству людей точно можно доверять» и «большинству людей скорее можно доверять»; уровень обобщённого *недоверия* – из суммы ответов «большинству людей скорее нельзя доверять» и «большинству людей точно нельзя доверять».

Эмпирической базой исследования служат данные общероссийских социологических опросов, проведённых в 2020 г.¹ и в 2018 г.², данные социологических опросов в Республике Кабардино-Балкария (2021 г.³), Республике Татарстан (2019 г.⁴), Республике Саха (Якутия) (2019, 2020 гг.⁵), данные опросов в регионах РФ (2015–2018 гг.⁶), осуществлённых Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН, материалы экспертных интервью и групповых дискуссий в Республике Кабардино-Балкария. Во всех проведённых исследованиях в изучении российской идентичности и обобщённого доверия использовался одинаковый блок вопросов.

---

¹ Опрос в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межнациональные отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» по программе научных исследований РАН. Выборка объёмом 2000 респондентов репрезентирует население РФ от 18 лет по полу и возрасту. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face) в 22 субъектах Российской Федерации.

² Данные мониторингового исследования ФНИСЦ РАН 2018 г.

³ Социологический опрос в Республике Кабардино-Балкария репрезентирует взрослое население по полу и возрасту. Выборочная совокупность 713 чел. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face).

⁴ Репрезентативный республиканский опрос в рамках совместного исследования Центра исследований межнациональных отношений ФНИСЦ РАН и РОО «Центр по изучению дискриминаций, экстремизма и ксенофобии в Республике Татарстан». Объем выборочной совокупности 2000 чел.

⁵ Опросы в Республике Саха (Якутия) в рамках совместного проекта Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН и Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)» методом личного интервью (face to face). Выборочная совокупность составила 1494 чел. в 2020 г. (1480 чел. в 2019 г.)

⁶ Астраханская, Калининградская области, Ставропольский край, Республики Карелия. В каждом субъекте федерации выборка включала 1000–1200 единиц наблюдения; метод сбора информации – индивидуальное интервью по месту жительства, «face to face».

Российская идентичность: данные общероссийских и региональных исследований

Российская идентичность лабильна, её уровень во многом определяется текущей политической и экономической повесткой, общественными настроениями. В условиях эмоционального подъёма, связанного с Олимпиадой 2014 г. и вхождением Крыма в состав РФ, фиксировался её рост [5], но в 2020 г. в условиях пандемии и сопутствующего ей спада общественного оптимизма уровень российской идентичности заметно снизился (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Российская и этническая идентичности в РФ, 2018–2020 гг., %
Russian and ethnic identity in the Russian Federation, 2018–2020, %

Идентичности	РОССИЯ, 2018	РОССИЯ, 2020
Ощущают общность, близость с гражданами России		
Часто	29	16
Иногда	45	52
Общий уровень российской идентичности	74	68
Никогда	19	16
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности		
Часто	23	34
Иногда	47	46
Общий уровень этнической идентичности	70	80
Никогда	21	9

В 2020 г., на фоне социальных ограничений и общественных опасений, психологами и социологами фиксировались усиление тревожности в обществе, всплеск недоверия к власти, распространение в социальных сетях конспирологических версий происхождения COVID-19 [11]. Эти обстоятельства оказали влияние на резкое снижение актуализации российской идентичности в 2020 г. в сравнении с доковидным 2018 г. (с 29 до 16%) и сопутствующий этому процессу рост этнической идентичности.

В условиях, представляющих угрозу консолидированной общероссийской общности, в обстоятельствах социальной дистанцированности и общественных страхов этническая идентичность проявила себя как более значимая идентичность, поскольку она аккумулирует примордиальные основы общественной солидарности и поддерживает чувство безопасности. Общий уровень этнической идентичности в 2020 г. составил 80%, её актуализация – 34%, в то время как в 2018 г. – 70% и 23% соответственно (см. табл. 1). Взаимозависимость и взаимное влияние этнической и общероссийской идентичностей проявляет себя на протяжении всего постсоветского развития России, и соотношение актуализации российской и этнической идентичностей можно рассматривать в качестве индикаторов гражданско-политических и социокультурных трендов внутрироссийской консолидации.

Каждый регион России отличается специфическими процессами и стратегиями нациестроительства. В республиках складываются различные «модели» сосуществования общероссийской и этнической идентичностей, и их соотношение и характер взаимного влияния можно рассматривать как один из ключевых индикаторов успешности федеральной и региональной политики управления этнокультурным разнообразием.

Основываясь на данных репрезентативных социологических исследований, можно заключить, что равнозначность и широкая актуализация этих макроидентичностей свидетельствуют об оптимальном балансе этнокультурных и общероссийских государственно-гражданских оснований консолидации. Значительное превышение актуализации этнической идентичности над соответствующим показателем идентичности российской может косвенно свидетельствовать о плотном укоренении этнокультурных основ общественной самоорганизации, в той или иной мере противостоящих общенациональным трендам государственной, гражданской, политической интеграции.

В ходе исследования в республиках выявлены следующие особенности: 1) общий уровень российской идентичности здесь выше среднероссийских показателей. В Кабардино-Балкарии, Татарстане и Респ. Саха (Якутии) он составляет соответственно 88, 85 и 84% (против 68% по России в целом). *Актуализация* российской идентичности в республиках (доля *часто* ощущающих общность с гражданами России) также существенно выше среднероссийских показателей (45, 47 и 52% против 16% в среднем в РФ) (см. табл. 2). При этом в Саха (Якутии) она почти одинакова среди саха (якутов) и русских (43 и 40% соответственно), в КБР также одинакова среди кабардинцев, балкар и русских, а в Татарстане среди русских она выше (53%), чем среди татар (41%);

2) соотношение российской и этнической идентичностей в изучаемых республиках имеет свои особенности: если в Татарстане фиксируется «равновесная» актуализация российской и этнической идентичностей (47 и 45% соответственно), то в Кабардино-Балкарии и Респ. Саха (Якутии) актуализация этнической идентичности выше, чем российской (77 против 45% в КБР, 68 против 52% в РС (Я), см. табл. 2). Основной вклад в актуализацию этнической идентичности в КБР и РС (Я) вносят национальности, давшие название республикам.

Зафиксированная в Кабардино-Балкарии и Республике Саха (Якутии) высокая актуализация *этнической* идентичности, превышающая соответствующий показатель идентичности *российской*, отражает важность и силу этнокультурных основ республиканских сообществ. Этот дисбаланс обусловлен как историко-культурными, так и социально-экономическими факторами. В рейтинге российских регионов по *качеству жизни*, отражающем экономическое развитие региона, уровень доходов населения, развитость инфраструктуры, безопасность жизни и другие важные показатели, Татарстан занимает 4-е место, а Саха (Якутия) и Кабардино-Балкария – соответственно 70-е и 75-е места¹, размещаясь в конце рейтинга.

¹ Сайт РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html>? (дата обращения: 25.04.2022).

Таблица 2 (Table 2)

**Российская и этническая идентичности
в Кабардино-Балкарии, Татарстане и Саха (Якутии), %**
*Russian and ethnic identity
in Kabardino-Balkaria, Tatarstan and Sakha (Yakutia), %*

Идентичности	Кабардино-Балкария, 2021	Татарстан, 2019	Саха (Якутия), 2020
Ощущают общность, близость с гражданами России			
Часто	45	47	52
Иногда	43	38	32
Общий уровень российской идентичности	88	85	84
Никогда	10	11	6
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности			
Часто	77	45	68
Иногда	20	42	24
Общий уровень этнической идентичности	97	87	92
Никогда	3	8	2

Характер межэтнических отношений в Кабардино-Балкарии вписан в плотный политико-экономический контекст и осложнён шлейфом травмированной исторической памяти: балкарцы помнят депортацию 1944 г., кабардинцы – массовое выселение черкесов (как итог Кавказской войны 1817–1864 гг.)¹, русские – претензии со стороны титульных этнических групп в период «парада суверенитетов». Приведём высказывания, озвученные в ходе групповой дискуссии в Нальчике в 2021 г. (приведён текст расшифровки устной речи без редактуры, убраны только междометия):

«До сих пор более старшее поколение, они вспоминают про события депортации балкарцев в 1943 году. И кабардинцы к балкарцам в этом плане жёстче относятся... И это до сих пор вспоминается, и, когда кабардинцы занимали земли балкарцев, и эти аспекты играют роль. А потом [балкарцы] вернулись, потом начались территориальные споры»

«...кабардинцам нужно, чтобы их признали хотя бы пострадавшими в ходе русско-кавказской войны»

«[Русским] не хватает, я думаю, представительства. Ну, на мой взгляд, потому что у нас кабардинцы и балкарцы, скорее всего, представлены в органах государственной власти»

Поводом к этнической мобилизации в республике стали нерешённые земельные вопросы, проблемы территориальной реабилитации репрессированного балкарского народа [4]; в 2008 и 2018 гг. произошли межнациональные столкновения между кабардинцами и балкарцами² в связи с разной трактовкой исторических событий, связанных с Канжальской битвой 1708 г.

¹ Черкесы – адыгские народы, в состав которых входят кабардинцы [см. 17].

² Проход кабардинских всадников через балкарское село в сторону горы Канжал, где, по версии кабардинцев, состоялась битва кабардинцев с войсками крымского хана, прибывших для сбора дани. Подробнее см. URL: <https://lenta.ru/news/2018/09/19/konflikt/?ysclid=l23f9vtnpw> (дата обращения: 22.03.2022).

Материалы интервью дают основание считать, что русские в КБР также испытывают последствия мобилизованной этничности и помнят о сложных 1990-х гг., когда на волне «суверенизации» на русских перекладывалась ответственность как за текущие кризисные общественно-политические трансформации, так и за травматичные события прошлого. Отток русского населения из республики обусловлен общим изменением «этнических пропорций в пользу населения титульных этносов» [3], а также переживанием русскими статусных потерь, слабой представленностью в органах власти.

Вместе с тем исследование показывает, что в Кабардино-Балкарии сильны центростремительные тенденции. Актуализация *русской* идентичности в республике высока у представителей основных национальностей – кабардинцев, балкарцев и русских (46, 42, 41% соответственно) и общий её уровень среди них одинаково высок. В сравнении с общероссийскими данными, в Кабардино-Балкарии выше значимость государства в формировании представлений о российской общности (68 против 58%). Высокая актуализация *русской* идентичности, значительно превышающая среднероссийские показатели, говорит о преобладании в республике мотивов принадлежности к *русской* макрообщности, присутствию в массовых настроениях в КБР чувств сопричастности с Россией. При этом среди русских республики, в сравнении с кабардинцами и балкарцами, чаще отмечается «дистанцированность» от России: 17% русских никогда не ощущают общности с гражданами России (см. табл. 3). Актуализация *этнической* идентичности в КБР (доля «часто» ощущающих общность с людьми своей национальности) в два раза выше, чем в среднем в России в 2020 г. (77 против 34%), но при этом у русских её уровень также существенно ниже (61%), в сравнении с кабардинцами (81%) и балкарцами (87 %) (см. табл. 3).

На протяжении последних десятилетий «общее государство» выступает наиболее сильным консолидатором, поддерживающим формирование *русской* идентичности [5]. Если рассмотреть важность идентификационных оснований *русской* идентичности среди основных этнических групп КБР, то можно заметить, что «*общее государство*» чаще выбирается кабардинцами, «*историческое прошлое*» в качестве идентификатора чаще выбирается русскими, а «*родная земля, территория, природа*» – балкарцами (см. табл. 4; сумма по столбцу больше 100%, так как вопрос допускал выбор нескольких ответов). Подобная конфигурация значимости идентификационных оснований *русской* идентичности обнаруживает чувствительные зоны межэтнических отношений и этносоциальных статусов основных национальностей в КБР: большую представленность кабардинцев в органах власти республики, важность вопросов территориальной реабилитации для балкарского народа и исторического прошлого для русских¹, связывающего русский народ с территорией Кабардино-Балкарии, историей освоения Россией Кавказа.

¹ Русское освоение Кавказа шло казаками (великороссами и малороссами), русскими крестьянами-колонистами и советскими специалистами, активно участвовавшими в создании промышленной инфраструктуры республики [15].

Таблица 3 (Table 3)

**Российская и этническая идентичности
среди основных национальностей Кабардино-Балкарии, %**
*Russian and ethnic identity
among the main nationalities of Kabardino-Balkaria, %*

Идентичности		Кабардино-Балкария, 2021			
		Кабардинцы	Балкарцы	Русские	В целом в КБР
Ощущают общность, близость с гражданами России					
Часто		46	42	41	45
Иногда		43	49	39	43
Общий уровень российской идентичности		89	91	80	88
Никогда		8	8	17	10
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности					
Часто		81	87	61	77
Иногда		16	15	32	20
Общий уровень этнической идентичности		97	98	93	97
Никогда		1	1	5	3

Таблица 4 (Table 4)

**Идентификационные основания российской идентичности
среди основных национальностей Кабардино-Балкарии, %**
*Identification bases of Russian identity
among the main nationalities of Kabardino-Balkaria, %*

Что больше всего объединяет Вас со всеми гражданами Российской Федерации, со всеми россиянами?	Кабардино-Балкария, 2021				Россия, 2020
	Кабардинцы	Балкарцы	Русские	В целом в КБР	
Общее государство	71	65	61	68	58
Ответственность за судьбу страны	25	25	28	26	22
Историческое прошлое	21	19	32	23	32
Родная земля, территория, природа	41	51	41	42	44
Русский язык	46	50	40	46	43
Культура, обычаи, праздники	29	27	27	28	29
Общие символы (флаг, герб)	11	18	9	12	15
Ничего не объединяет	1	0	2	1	3

Обобщённое доверие в России и регионах

Обобщённое (генерализованное) доверие является наиболее абстрактным видом доверия, выражающим доверие к людям вообще, вне зависимости от их конкретных характеристик и условий взаимодействия – групповой принадлежности, знакомства, родства. Оно является фундаментом социального капитала, служит основой гражданской самоорганизации и наиболее выразительным показателем формирующейся в республиках локальной культуры доверия. Доверие помогает налаживать горизонтальные связи сотрудничества поверх этнических, религиозных границ. Обобщённое доверие в потенциале – один из эффективных «социальных конъюнкторов», обеспечивающих поток горизонтальной консолидации.

Согласно данным общероссийских опросов RLMS-HSE, уровень обобщённого доверия в России в период 2006–2018 гг. постепенно возрастал [8]. Опросы Центра исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН также фиксируют, что в период, предшествовавший пандемии, в регионах России шло постепенное восстановление подорванной кризисными социальными преобразованиями 1990-х гг. культуры доверия [14]. В период 2015–2018 гг. в российских регионах (Астраханская, Калининградская области, Ставропольский край, Респ. Карелия) уровень обобщённого доверия фиксировался на уровне 45–48% (см. табл. 5).

В 2019 году, ещё не затронутом социальными ограничениями, связанными с распространением коронавируса, уровень обобщённого доверия в Татарстане и в Респ. Саха (Якутии) был такой же – 45 и 48%. Однако на фоне пандемии происходит снижение уровня обобщённого доверия, и среднероссийский его уровень в 2020 г. составил 39%.

В Кабардино-Балкарии, по данным опроса 2021 г., уровень обобщённого доверия ещё ниже – 33% (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Уровень обобщённого доверия и недоверия в регионах и России в целом, %
The level of generalised trust and distrust in the regions and Russia as a whole, %

Большинству людей...	Россия, 2020	Кабардино-Балкария, 2021	Саха (Якутия), 2019	Татарстан, 2019	Астраханская область, 2015	Калининградская область, 2015	Ставропольский край, 2016	Карелия, 2016
Точно можно доверять	4	9	11	6	10	12	15	14
Скорее можно доверять	35	24	34	42	35	36	30	31
В целом доверяют	39	33	45	48	45	48	45	46
Скорее нельзя доверять	32	25	26	29	25	30	22	30
Точно нельзя доверять	15	39	19	12	29	19	31	22
В целом не доверяют	47	64	45	41	54	49	53	52
Затруднились ответить	14	3	10	11	1	3	2	2

Как показали исследования, обобщённое доверие является универсальным социальным конъюнктом, поскольку его уровень не зависит от национальности. В полиэтничных регионах – республиках и областях, где проходили исследования в 2019–2021 гг. и 2015–2018 гг., – его уровень одинаков среди представителей «титულных» и «нетитулных» этнических групп, между русскими и людьми других национальностей¹. В Кабардино-Балкарии уровень обобщённого доверия одинаково невысок среди кабардинцев, балкарцев и русских (31, 33 и 35% соответственно) (см. табл. 6).

Локальная культура доверия в Кабардино-Балкарии формируется сложно. Почти 2/3 населения в КБР (64%) полагают, что большинству людей доверять нельзя, уровень обобщённого *недоверия* здесь выше, чем в других регионах (см. табл. 5). Столь высокие показатели обобщённого *недоверия* (64%) означают дефицит горизонтальной солидарности социума и побуждают ставить вопросы о латентных комплексных факторах, сдерживающих формирование в республике общественной атмосферы открытости и безопасности.

Таблица 6 (Table 6)

Уровень обобщённого доверия и недоверия
среди основных национальностей Кабардино-Балкарии, %
*The level of generalised trust and distrust
among the main nationalities of Kabardino-Balkaria, %*

Большинству людей...	Кабардинцы	Балкарцы	Русские
Точно можно доверять	7	9	12
Скорее можно доверять	24	24	23
В целом доверяют	31	33	35
Скорее нельзя доверять	24	24	28
Точно нельзя доверять	41	40	35
В целом не доверяют	65	64	63
Затруднились ответить	4	3	2

Практически одинаковые показатели обобщённого *недоверия* среди кабардинцев, балкарцев и русских (65, 64, 63% соответственно, см. табл. 6) позволяет говорить о существовании социокультурных и этнополитических факторов, поддерживающих среди населения Кабардино-Балкарии установки настороженности и недоверия. Возможно, в этой тенденции сказываются социальные последствия этнополитической напряжённости 1990-х гг., когда в республике возник этнополитический раскол между кабардинцами и балкарцами в связи намерением отделения Балкарии в качестве суверенной республики и сопутствующие террито-

¹ Исключение составляет Ставропольский край, где обобщённое доверие среди нерусского населения существенно ниже, чем среди русского. Объяснением этому может служить сложная этнополитическая обстановка в Ставропольском крае в момент проведения исследования [подробнее см.: 2; 9, с. 157–159].

риальные споры между кабардинцами и балкарцами [17]. В качестве ещё одной веской причины дефицита обобщённого доверия можно назвать травмированную историческую память, различные её версии среди основных этнических сообществ КБР.

Вместе с тем сниженному, в сравнении с другими регионами (и в сравнении с Россией в целом), уровню обобщённого доверия в Кабардино-Балкарии сопутствует очень высокий уровень российской идентичности и столь же высокая степень *актуализации* последней, которая служит стабилизирующим фактором в межэтнических отношениях. В республике зафиксирован очень высокий уровень солидарности с Россией: 78% в КБР полностью поддерживают суждение «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации» (и ещё 13% «скорее согласны» с ним).

Проведённые исследования позволяют заключить, что обобщённое доверие – важный индикатор внутрироссийской интеграции. Оно одинаково успешно проявляет себя как в республиках с институционально закреплённой этничностью, так и в областях, где этничность институционально не закреплена. Есть основание рассматривать его в качестве социокультурной основы российской идентичности. И хотя потенциал обобщённого доверия и в России, и её регионах ещё невелик, в перспективе локальная культура доверия может стать эффективным социальным конъюнктом, вносящим свой вклад в обеспечение общероссийской интеграции. Подтверждением этому служит следующая тенденция: во всех регионах, где проводились наши исследования, *актуализация* российской идентичности выше среди тех, кто полагает, что большинству людей можно доверять. Например, в Астраханской области уровень актуализации российской идентичности составляет 57% среди тех, кто доверяет большинству людей, и 39% среди тех, кто не доверяет; в Калининградской области это соотношение составляет 57 и 49%, в Ставропольском крае – 48 и 36%, в Карелии – 40 и 30%¹.

В республиках Татарстан, Саха (Якутия), где исследования проходили в 2019–2020 гг., а также в общероссийском исследовании 2020 г. [14] нами также зафиксирована связь актуализированной российской идентичности и уровня обобщённого доверия: актуальная российская идентичность выше среди тех, кто считает, что большинству людей можно доверять (см. табл. 7).

В Кабардино-Балкарии в 2021 г. фиксируется такая же устойчивая тенденция – актуализация российской идентичности вырастает (до 54%) среди тех, кто считает, что большинству людей можно доверять, и снижается (до 40%) среди тех, кто считает, что большинству людей доверять нельзя.

¹ Здесь и далее статистическая значимость выявленных различий проверялась критерием связи χ^2 ($p \leq 0,01$).

Таблица 7 (Table 7)

Актуализация российской идентичности в регионах России
в зависимости от установок обобщённого доверия, %
*Actualisation of Russian identity in the regions of Russia depending
on the attitudes of generalised trust, %*

Интенсивность русской идентичности	Кабардино- Балкария, 2021		Саха (Якутия), 2019		Татарстан, 2019		Астраханская область, 2015		Калининградская область, 2015		Ставропольский край, 2016		Карелия, 2016	
	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют
Часто ощущают общность, близость с гражданами России	54	40	50	33	50	42	57	39	57	49	48	36	40	30

Примечание. В таблице представлены данные, объединяющие ответы «полностью доверяю» и «скорее доверяю».

Заключение

Учёт «региональных траекторий» процессов общероссийской консолидации [16] и стратегий нациестроительства предполагает внимательное изучение социокультурных и социально-психологических оснований подобной консолидации, мониторинг общероссийской и этнической идентичностей, уровня регионального обобщённого доверия, ценностных ориентаций. Подобный мониторинг поможет определить возможные риски консолидационных процессов и позитивные ресурсы вертикальных и горизонтальных потоков общероссийской консолидации.

В республиках, входящих в состав РФ, складываются собственные модели сосуществования и взаимодействия этнической и русской идентичностей; уровень их *актуализации* позволяет изучать процессы «балансирования» между этнокультурными и государственно-гражданскими основами общенациональной интеграции, направление и успешность региональной и федеральной политики управления этнокультурным разнообразием. Данные репрезентативных социологических исследований позволяют предполагать, что широкое распространение в региональном социуме русской и этнической идентичностей, «равновесность» их актуализации говорят об оптимальном балансе этнокультурных и общероссийских государственно-гражданских трендов нациестроительства.

В русле концепции потоковой консолидации русскую идентичность и культуру доверия можно рассматривать в качестве эффективных социальных конъюнктов, активно вовлечённых в процессы формирования русской государственной, политической общности. Актуализированная русская идентичность поддерживает вертикаль-

ный «поток консолидации», объединяющий полиэтническое пространство страны, а формирующаяся культура доверия (наиболее чутким показателем которой является уровень обобщённого доверия) поддерживает горизонтальный поток консолидации. В условиях дефицита государственной интеграционной политики культура доверия выступает в качестве «локомотива», продвигающего формирование, становление российской нации. Уровень обобщённого доверия пока невелик (от 33 до 48% в регионах, 39% в среднем в РФ), тем не менее он оказывает позитивное влияние на формирование российской идентичности во всех исследованных нами субъектах РФ: в республиках и областях актуализация российской идентичности выше среди тех, кто демонстрирует установки обобщённого доверия, полагая, что большинству людей можно доверять.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А., Аксумов Б. Л., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. DOI: 10.31249/poln/2020.03.04
2. Авксентьев В., Шульга М. Ставрополье: проблемы, риски, прогнозы // Вестник российской нации. 2016. № 1. С. 171–186.
3. Аккиева С. И. Русские в Кабардино-Балкарии: миграционные установки и этнокультурные потребности // Белые пятна российской и мировой истории. 2013. № 5–6. С. 9–20.
4. Аккиева С. И. Конфликтогенные факторы социально-политических процессов в Кабардино-Балкарии // Кавказские чтения (памяти проф. В. В. Черноуса). Материалы круглого стола. Ростов-на-Дону, 2021. С. 71–84. DOI: 10.31249/rimm/2021.03.03
5. Дробижева Л. М. «Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
8. Козырева П. М., Смирнов А. И. Доверие в нестабильном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 134–147. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10
9. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2016. 400 с.
10. Миллер А. И. Нация, или могущество мифа. СПб.: Изд. ЕУ в СПб., 2016. 146 с.
11. Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407

12. Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В. Обобщённое доверие: концептуализация и измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 464–486. DOI: 10.21638/spbu12.2018.406
13. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
14. Рыжова С. В. Обобщённое доверие и чувства к России как компоненты общероссийской идентичности // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2 (34). С. 27–41. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8101
15. Тхамокова И. Х. Русское население и модернизация в Кабардино-Балкарии // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 6 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-naselenie-i-modernizatsiya-v-kabardino-balkarii> (дата обращения: 05.05.2022).
16. Узунов В. В. Методологические особенности анализа траекторий социальной консолидации в условиях полиэтнических регионов Юга России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 1. С. 88–98. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.6
17. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006. 696 с.
18. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2014. 440 с.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан, В. И. Ривош, Н. Н. Толстых; под ред. А. В. Толстых. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. 352 с.
20. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Worchel S., Austin V. G. (eds) Psychology of Intergroup Relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Получено редакцией: 15.05.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжова Светлана Валентиновна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828
EDN: TPBYIX

Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust

Svetlana V. Ryzhova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: Silica2@yandex.ru

ORCID Id: 0000-0002-1982-5008

For citation: Ryzhova S. V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX

Abstract. The article presents the results of a study of the dynamics of Russian identity and the level of generalised trust in Russia and Russian regions. The empirical basis for the study is all-Russian surveys (2020 and 2018) and surveys in the republics of the Russian Federation – Kabardino-Balkaria, Sakha (Yakutia) and Tatarstan (2019–2021); data from regional studies (2016–2018) are used for comparison. Particular attention is paid to the Republic of Kabardino-Balkaria. All surveys use the same set of questions aimed at identifying the actualisation of Russian identity and the level of generalised trust and distrust. Russian identity is studied from the standpoint of E. Erickson's theory of psychosocial identity and H. Taifel and J. Turner's social identity; generalised trust study is based on the concepts of P. Szostomka and R. Inglehart. The concept of "flow consolidation" and "social conjunctors" by O. A. Karmadonov is applied to the analysis of empirical data. The issues of the correlation of Russian and ethnic identities in the regions are discussed. It is noted that their balance reflects the success of the regional and federal policy of managing ethno-cultural diversity. The data of sociological research suggests that the wide distribution of Russian and ethnic identities in the regional society and the "equilibrium" of their actualisation indicate the optimal balance of ethno-cultural and all-Russian state-civil trends in nation-building.

Russian identity and a culture of trust can be viewed as effective social conjunctors actively involved in the formation of the Russian state and political commonality. The actualised Russian identity supports the vertical "stream of consolidation" that unites the country's multi-ethnic space, while the emerging culture of trust (which the most sensitive indicator is the level of generalised trust) supports the horizontal stream of consolidation. Empirical data allow us to conclude that in the current conditions of a deficit in the state integration policy, the culture of trust acts as a "locomotive" that promotes the formation of the Russian nation. It is noted that although the strength of this "locomotive" is still small, nevertheless, it has a positive impact on the formation of Russian identity: in all the regions under study, the actualisation of Russian identity is higher among those who demonstrate attitudes of generalised trust, believing that most people can be trusted.

Keywords: Russian identity, ethnic identity, trust, consolidation, Republic of Kabardino-Balkaria, regions of Russia

References

1. Avksentiev V. A., Aksyumov B. L., Gritsenko G. D. Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Politicheskaya nauka*, 2020: 3: 74–97 (in Russ.). DOI: 10.31249/poln/2020.03.04
2. Avksentiev V., Shulga M. Stavropol region: problems, risks, forecasts. *Vestnik rossijskoj nacii*, 2016: 1: 171–186 (in Russ.).
3. Akkieva S. I. Russians in Kabardino-Balkaria: migration attitudes and ethno-cultural needs. *Belye pyatna rossijskoj i mirovoj istorii*, 2013: 5–6: 9–20 (in Russ.).
4. Akkieva S. I. Konfliktogennyye faktory socialno-politicheskikh processov v Kabardino-Balkarii [Conflictogenic factors of socio-political processes in Kabardino-Balkaria. In Kavkazskie chteniya (pamyati prof. V. V. Chernousa). Materialy Kruglogo stola [Caucasian readings (in memory of Prof. V. V. Chernous. Materials of the Round Table)]. Rostov-na-Donu, 2021: 71–84 (in Russ.). DOI: 10.31249/rimm/2021.03.03
5. Drobizheva L. M. Russian identity: discussions in the political space and the dynamics of mass consciousness. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2018: 5: 100–115 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09
6. Inglehart R., Velzel Ch. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change and democracy: Consistency of human development]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011: 464 (in Russ.).
7. Karmadonov O. A. Solidarnost, integraciya, kon'yunkciya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 2: 3–12 (in Russ.).
8. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Trust in an unstable Russian society. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2019: 5: 134–147 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10
9. Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossijskogo obshchestva. Sotsiokul'turnyj i religioznyj konteksty [Interethnic harmony as a resource of consolidation of Russian society. Socio-cultural and religious contexts. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, FCTAS RAS, 2016: 400 (in Russ.).
10. Miller A. I. Naciya, ili mogushhestvo mifa [Nation, or the power of myth]. St. Petersburg, EU v SPb., 2016: 146 (in Russ.).
11. Nestik T. A., Deyneka O. S., Maksimenko A. A. Socio-psychological prerequisites of faith in conspiracy theories of the origin of COVID-19 and involvement in network communications. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2020: 11: 4: 87–104 (in Russ.). DOI: 10.17759/sps.2020110407

12. Romashkina G. F., Davydenko V. A., Ushakova Yu. V. Generalized trust: conceptualization and measurement. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, 2018: 11: 4: 464–486 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2018.406
13. Ryzhova S. V. Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti [Ethnic identity in the context of tolerance]. Moscow, Alfa-M, 2011: 280 (in Russ.).
14. Ryzhova S. V. Generalized trust and feelings for Russia as components of the all-Russian identity. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2021: 9: 2 (34): 27–41 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8101
15. Thamokova I. H. Russkoe naselenie i modernizatsiya v Kabardino-Balkarii [Russian population and modernization in Kabardino-Balkaria]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013: 6 (26). Accessed 05.05.2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-nasele-nie-i-modernizatsiya-v-kabardino-balkarii> (in Russ.).
16. Uzunov V. V. Methodological features of the analysis of the trajectories of social consolidation in the conditions of multiethnic regions of the South of Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2022: 11: 1: 88–98 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.6
17. Shnirelman V. A. Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke [Being Alans: Intellectuals and politics in the North Caucasus in the twentieth century]. Moscow, New Literary Review, 2006: 696 (in Russ.).
18. Shtompka P. Doverie – osnova obschestva [Trust is the Foundation of society]. Moscow, Logos, 2014: 440 (in Russ.).
19. Ericsson E. Identichnost': junost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Transl. from Eng. by A. D. Andreeva, A. M. Prihozhan, V. I. Rivosh, N. N. Tolstykh; ed by. A. V. Tolstykh. Moscow, Flinta; MPSI; Progress, 2006: 352 (in Russ.).
20. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In Worchel S., Austin V. G. (eds) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, Nelson-Hall, 1986: 7–24.

The article was submitted on: May 15, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Ryzhova, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS